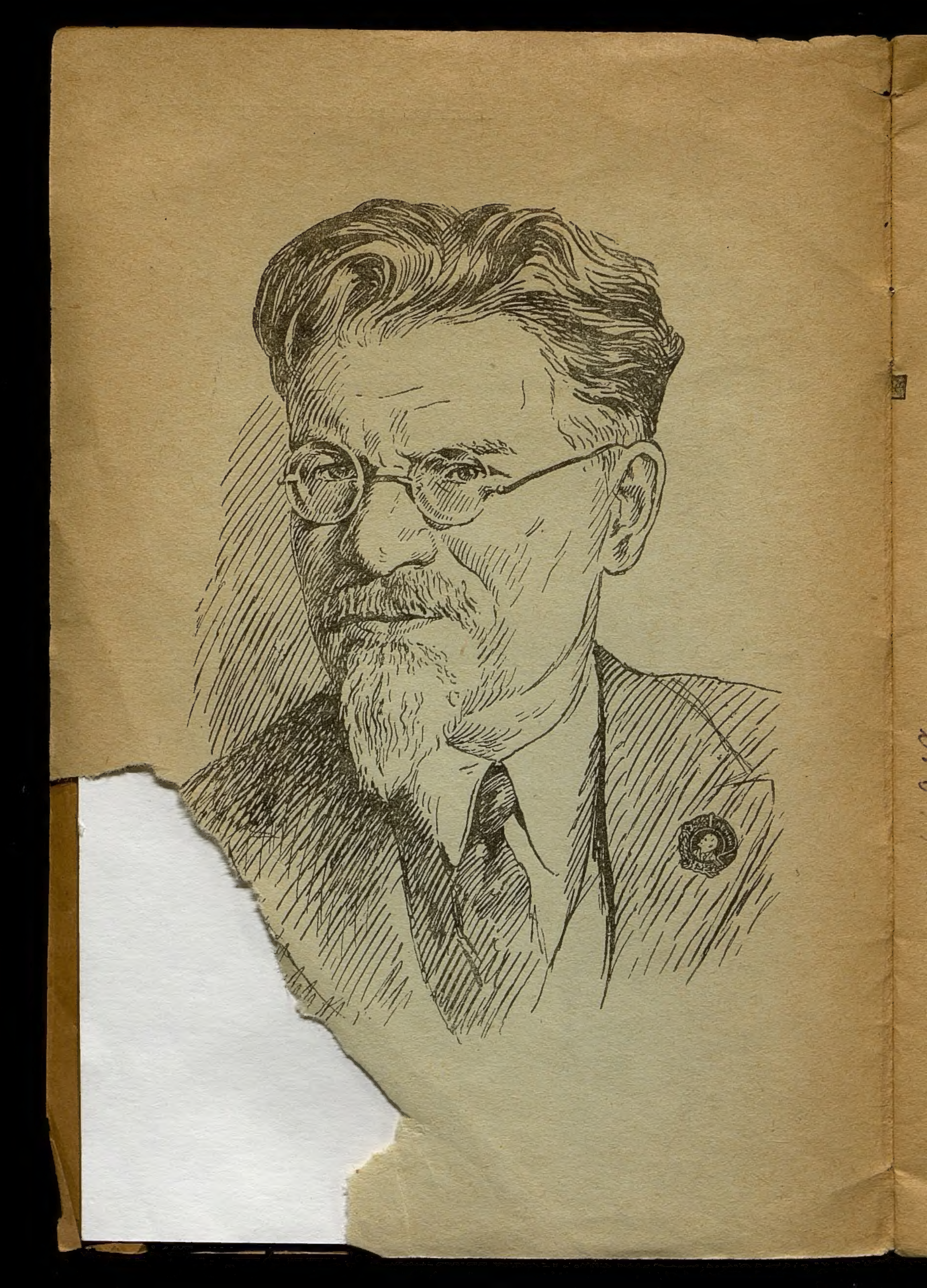
М. И. КАЛИНИН

ОБ ОВЛАДЕНИИ МАРКСИЗМОМ-ЛЕНИНИЗМОМ И ЗАДАЧАХ СОВЕТСКОГО УЧИТЕЛЬСТВА

★

УЧПЕДГИЗ
МОСКВА — 1939

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

М. И. КАЛИНИН

ОБ ОВЛАДЕНИИ МАРКСИЗМОМ-ЛЕНИНИЗМОМ И ЗАДАЧАХ СОВЕТСКОГО УЧИТЕЛЬСТВА

Речь на совещании учителей-отличников городских и сельских школ, созванном редакцией «Учительской газеты» 28 декабря 1938 г.

УЧПЕДГИЗ НАРКОМПРОСА РСФСР
МОСКВА—1939

I. ОБ ОВЛАДЕНИИ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ ТЕОРИЕЙ

Товарищи, у нас сейчас много говорят об изучении революционной теории марксизма-ленинизма, об изучении истории большевистской партии. Главное тут — усвоить самое существо этой теории, научиться пользоваться ею на практике и воспринять опыт революционной борьбы нашей партии.

Читая «Краткий курс истории ВКП(б)», я восхищался глубиной содержания, четкостью мысли и простотой изложения, но сейчас вспомнить текстуально не могу, не запомнил. Однако дело тут не только в запоминании, а главное в понимании. Марксистско-ленинская теория не символ веры, не собрание догматов, а руководство к действию. Когда некоторые толкуют об овладении марксизмом-ленинизмом, то говорят: «работа углубленная», «особо углубленная» и т. д. Но надо понять, что главное в марксизме-ленинизме — это не буква, а его сущность, революционный дух.

Что значит, когда говорят: «охватить марксизм-ленинизм полностью»? Как это понимать? Понимать ли это, как текстуальное заучивание всей премудрости марксизма-ленинизма в виде готовых уже выводов и формул? Или понимать это, как овладение существом марксизма-ленинизма и как умение применять эту теорию в качестве руководства к действию в жизни, в своей общественно-политической и личной жизни? Второе будет вернее, правильнее, важнее, оно — основное в марксизме-ленинизме. И когда говорят «овладеть марксизмом-ленинизмом», то это значит научиться видеть его в динамике.

Заучить марксизм-ленинизм более или менее можно каждому, а вот усвоить его сущность и научиться его применять это труднее.

Мы знаем многих старых рабочих, которые участвовали в политической борьбе. Разве они изучали марксизм-ленинизм столько, сколько вы? Они ведь не имели «Краткого курса истории ВКП(б)». Очень мало им довелось систематически изучать

эту теорию. Может быть, десяток революционных книг прочли — и все. А вот в своей практике они довольно правильно применяли марксизм-ленинизм. Под знаменем этой теории шли и теперь идут миллионы людей. И многие рабочие правильно подходили к общественным явлениям, к политической жизни, они правильно схватывали марксистско-ленинскую линию в решении того или иного вопроса. Это потому, что они поняли, схватили революционное существо марксистско-ленинской теории.

Изучение марксизма-ленинизма нужно не ради самого изучения, не для проформы. Мы изучаем марксизм-ленинизм не для того, чтобы знать его формально, как раньше изучали катехизис. Мы изучаем марксизм-ленинизм, как метод, как инструмент, при помощи которого мы правильно определяем наше политическое, общественное и личное поведение. Мы считаем, что это—самое могущественное орудие человека в его практической жизни.

Теперь у нас стоит вопрос, как научиться более правильно применять марксизм-ленинизм в практическом деле?

Прежде всего надо, хотя бы в общих чертах, знать теоретические основы марксизма-ленинизма, хотя бы в общих чертах знать историю коммунистической партии. Когда изучаешь историю партии, надо смотреть, как при таких-то и таких-то обстоятельствах решали большевики такой-то практический вопрос? Почему они этот вопрос так решали, а не иначе, из чего они исходили? Почему, например, мы бойкотировали Булыгинскую Думу, из чего мы исходили? Почему потом, при менее благоприятных политических обстоятельствах, мы выбирали во II, III и IV Государственную Думу? Почему? При анализе всех таких вопросов (а таких вопросов в истории было много, ибо борьбы было много) это служит как бы образцом применения марксистско-ленинского метода, подхода к решению других вопросов, в другой, новой политической обстановке, к решению вопросов в современных условиях. Разумеется, надо при этом принимать во внимание все изменения, которые произошли, все новые условия.

Поэтому самое главное при изучении марксизма-ленинизма — это проверять себя в подходе к решению тех вопросов, которые сегодня, сейчас стоят на очереди в разных областях жизни. Возьмем какой-нибудь бытовой пример. Вот учительница разошлась с мужем. Каким должно быть с марксистской точки зрения поведение людей в этом случае? Как тут быть? Ведь и к такому вопросу надо найти правильный подход, обсудить и решить его по-марксистски. Самый простой подход (и он более

или менее,—по крайней мере, формально,—правилен) — сказать: это дело частное, к политике не имеющее отношения. Однако, поскольку он известен, ученики о нем говорят, в деревне судачат, авторитет учительницы колебнулся, — необходимо разумное объяснение этого факта.

Видите, как иногда даже чисто бытовой вопрос может превратиться в общественно-политический. В жизни каждый день происходит бесконечное количество разных бытовых случаев. Найти правильное решение в этих случаях и правильно понять, как отнестись к ним с точки зрения марксизма, — вот тут марксист проверяется.

Ведь марксизм-ленинизм — это ключ, который дает возможность решить тот или другой вопрос. Он только дает возможность, а не решает, дает возможность более правильно подойти к решению вопросов. Но это — не готовый рецепт на все случаи жизни. В решении, в подходе к решению насущных вопросов и сказывается, где настоящий большевик-марксист, а где начетчик и буквоед.

Бывают люди, которые действительно владеют марксизмом-ленинизмом и умеют применять эту теорию в решении практических вопросов. Но бывают люди, которые набиты учеными текстами, как мешок картофелем, а практически применить эти знания не могут. Такие люди все могут рассказать на-зубок и лекцию прочтут. А вот если скажешь, что у вас в школе случился такой-то казус — ну, например, отец выдрал своего сына, который учится в этой школе — и спросишь, как подойти правильно с общественной стороны к этому конкретному случаю, то такие люди запутаются, как в трех соснах. Если же они и внесут какое-нибудь предложение, то оно окажется оппортунистическим, оно совсем не будет соответствовать духу марксизма-ленинизма, хотя они и приведут при этом ворох цитат. Оппортунизм не всегда выражается только в прямом отрицании марксизма-ленинизма. Иногда он проявляется в буквоедстве, в догматическом подходе к этой теории.

Вот решение практических вопросов на основе действительного усвоения сущности марксизма-ленинизма и есть школа большевизма.

Изучение текста — это только изучение текста. И как школа для ребят еще не есть вся сама жизнь, а есть только школа, так и изучение марксизма-ленинизма в учебных заведениях, разных кружках и семинарах, самостоятельное изучение и т. д. — все это только изучение. Человек при этом изучении только книжно

познает марксизм-ленинизм. А вот когда он окунется в политическую жизнь, в общественную деятельность, когда он будет применять этот метод, и применять сознательно, тогда — другое дело. В практическом решении вопросов жизни, с которыми приходится сталкиваться ежедневно, тут именно и сказывается марксизм-ленинизм, тут и получается главная школа марксизма-ленинизма, тут и проявляется настоящий марксист-ленинец.

Главная школа заключается не в том, что в семинаре позанимался или лекцию прослушал. Это только пособия.

Главная школа получится тогда, когда вы будете спорить с людьми, когда будете разговаривать с народом, когда будете принимать решение о нерадивом ученике. А какое решение принять: двойку или тройку поставить, изгнать из учебного заведения или, наоборот,— снисходительно отнестись?

Вот в решениях таких вопросов и будет самая главная школа марксизма-ленинизма.

Как для инженера-технолога работа на заводе является практическим применением его технологических знаний и накоплением опыта, как для учителя непосредственная работа в школе является практическим применением его педагогических знаний, так и марксизм-ленинизм есть живое, органическое единство теории с практикой.

Итак, вы поняли теперь, о чем я толкую все время. Я хочу сделать ясной ту мысль, что для овладения марксизмом-ленинизмом совсем недостаточно заучить формулы и выводы этой теории, для этого недостаточно усвоить и ее сущность. Чтобы действительно овладеть марксизмом-ленинизмом, для этого надо еще научиться пользоваться этой теорией при решении практических вопросов, а если итти дальше, то и уметь обогащать эту теорию накопленным опытом, обобщать опыт, т. е. уметь развивать ее и двигать вперед. Вот это и есть самое трудное.

«Краткий курс истории ВКП(б)» с внешней стороны написан очень популярно, но он требует очень большой работы от читателя. Там даны все основы марксизма-ленинизма в самой сжатой форме. Читая, надо думать над каждой строкой. Не заучивать, а продумывать. Речь идет о том, чтобы научиться применять марксизм на практике, и этому надо учиться. А как учиться? — Учиться на исторических примерах, притом во взаимном общении и обмене мнениями.

Вот здесь говорили, что хорошо было бы иметь кружки. Я вполне понимаю это стремление. Это до известной степени пра-

вильно, что кружок все-таки дает возможность обмена мнениями. Но кто вам сказал, что сейчас вы не можете собирать кружки? Откуда вы это взяли? Прочтите постановление ЦК партии от 14 ноября 1938 г. Там осуждается кружок, как принудительная система изучения марксизма-ленинизма, которая раньше была возведена в основную форму обучения наших кадров большевизму, и как практическое выражение погони за количеством в ущерб качеству пропаганды. Здесь товарищ говорила, что у них семь человек учителей самостоятельно занимаются. Кто вам мешает сказать: «Через неделю я сделаю доклад по такому-то вопросу, кто желает собраться и обсуждать, пусть приходит». Разве кто мешает?

К каждому явлению жизни надо подходить конкретно, если ты марксист. И, разумеется, при таком обсуждении между собой можно лучше разобраться в вопросе. Когда вы прочитали, вы только одну сторону взяли, три стороны взяли, а четвертую не взяли. Наконец, взяли все четыре стороны. Между тем оказалось, что это не квадрат, а куб, где шесть сторон. Так что при обсуждении с другими мысль отшлифовывается и обогащается.

Вы говорите что дискуссии нужны. Кто же вам мешает? Собрались пять — десять человек. Ведь пять человек могут основательно поспорить между собою. Кто вам мешает? А если вы еще будете писать доклады, то я должен прямо сказать, — в пять раз больше изучите вопрос, чем вы лекцию прослушаете. Ведь чтобы доклад писать, для этого надо каждое слово, каждую мысль продумать. Доклад писать — надо и туда в источник заглянуть и сюда. При писании доклада куда больше проработаете вопросов, чем если только прослушать лекцию. Восприятие на лекции от многого зависит—какой лектор и какое у вас настроение. Может быть, во время лекции проговорили с соседом. Вы сами знаете, что в лекции нередко — три четверти вода, а одна четверть — полезные сведения. (Смех). Мы к сожалению, не умеем, как следует, выжимать воду. Правда, ее надо выжимать. Но все же полностью ее не выжмешь. Не подумайте, что я против лекций. Само собой понятно, что лекции очень важный вид обучения. Я лишь толкаю вас на самостоятельную работу, а эта работа заставит вас посещать лекции и внимательно их слушать.

Как относиться к кружковой работе? Видите ли, кружок имеет какой-то привкус ограниченности. Самое название «кружок» — признак ограниченности. Отменяется ли тем самым коллективное обсуждение? — Нет, не отменяется и не опорочивается.

Коллективное обсуждение должно сочетаться с самостоятельным изучением, которое является основным методом. Дома подготовься, на кружке, на собрании сделай доклад, а по докладу разверни прения. Не искусственные прения разверни, а чтобы каждый высказал свое действительное мнение по поставленному вопросу, чтобы не боялись говорить то, что думают. Если в этом докладе будет хоть капелька собственного мнения, я не сомневаюсь, что у вас будут горячие прения. Эти прения, хотя бы о Пушкине, были бы великолепным уроком марксизма-ленинизма.

Когда говорят об изучении марксизма-ленинизма, то нередко думают, будто должны только одни марксистские книги читать — Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. На самом деле — не только. Но задача в том, чтобы всякую книгу читать по-марксистски, по-ленински, по-сталински. Скажем, читают Чернышевского, его можно читать по-разному. Передовой читатель шестидесятых — семидесятых годов читал его по-своему, либеральный читатель тех времен читал его по-своему, а мы, как марксисты-ленинцы, читаем его по-своему. Наше понимание будет другим. Когда делаешь доклад о работе Чернышевского, когда разбираешь Чернышевского, когда развертываются прения и взаимная шлифовка мыслей, тогда будешь лучше усваивать марксизм ленинизм.

В спорах надо говорить своими словами, своим языком. Должен быть у вас свой язык, я это знаю. Надо, чтобы люди спорили, и не искусственно, а по существу, т. е. так, чтобы дело доходило, если не до «драки», то хотя бы до серьезной, до жаркой перепалки. Вот как надо ставить вопрос. Тогда люди будут ходить на кружки и заниматься. Познание марксизма-ленинизма лучше всего дается именно при таком методе изучения.

Я думаю, что тексты вы лучше моего знаете, я уверен в этом. Если бы я стал вместе с вами сдавать зачет, то провалился бы по части текстов, безусловно провалился. А марксистски подойти к вопросу, я думаю, наверняка сумею правильнее, чем вы, скорее найду линию подхода, потому что длительный опыт, практика, обогащенная теоретическими спорами,— все это обострило мои чувства. Я чувствую фальшь, когда дается неверная формулировка. Таким образом у меня появилось новое чувство, которое выработалось в теоретических спорах и перепалках, которое приучило меня к внимательности. Поэтому бояться обсуждений не следует, а нужно приучить к ним людей. Только таким способом будут отшлифовываться ваша мысль и ваш язык. Когда вы будете знать, что по каждому неверному выводу и

по каждой неправильной формулировке с вами будут спорить, тогда вы станете внимательнее искать правильные решения.

Поэтому если вы хотите понять марксизм-ленинизм и овладеть этой теорией, то доклады, рефераты и споры на основе самостоятельных занятий принесут вам огромную пользу. Самостоятельное изучение есть основной метод овладения марксизмом-ленинизмом.

II. ГЛАВНАЯ ЗАДАЧА УЧИТЕЛЯ—ВОСПИТАНИЕ НОВОГО ЧЕЛОВЕКА—ГРАЖДАНИНА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Может быть вчера тут говорилось, а сегодня вот никто не сказал, как у вас ребята, как с ними идет работа, какие отношения с ребятами? Тут товарищ мимоходом говорил: «Установлены дежурства в рабочих общежитиях. Дежурные следят, чтобы поведение ребят не слишком нарушало порядок». Так, да? (С места: Да).

Разве вы хотите, чтобы ребенок был средним обывателем, человеком лет 45, с немного испорченным желудком? (Смех). Или хотите, чтобы ребенок был точным подобием вам — взрослым людям? У ребят ведь слишком много инициативы. Если бы я был учителем и если бы ребята где и созорничали, но так, что при этом была бы видна храбрость, то я бы эту храбрость как-то поощрил, а за самое озорство пожурил их немного, и тем бы ограничился. Конечно, надо различать: есть озорство и озорство.

Если бы меня спросили, что самое главное требуется в настоящий момент от учителя, то я бы сказал: растить нового человека. (Мы это часто говорим, и тут я нового ничего не говорю). У нас создается новый человек социалистического общества. Этому новому человеку надо прививать самые лучшие человеческие качества. Ведь и новый, социалистический человек, он не будет человеком, у которого отсутствуют человеческие чувства. Человек есть человек. Из этого надо исходить.

Какие же человеческие качества надо прививать? Это, во-первых, любовь, любовь к своему народу, любовь к трудящимся массам. Человек должен любить людей. Если он людей будет любить, то ему будет жить лучше, веселее будет жизнь, ибо никто не живет так худо в мире, как мизантроп — человеконенавистник. Он сам хуже всех живет.

Во-вторых, — честность. Приучить ребят к честности. Этого учитель должен, по-моему, добиваться последовательно

всеми педагогическими приемами, какие только возможны. Не врать, не обманывать, а вести себя честно.

В-третьих, — храбрость. Социалистический человек — человек труда — он хочет завоевать мир, и не только мир, существующий на земном шаре, но и вселенную раздвинуть разумом человека.

В-четвертых — товарищеская спайка. Надо, чтобы товарищеская спайка была. Она нужна хотя бы потому, что мы находимся в капиталистическом окружении, потому что идет систематическая травля нашего Союза и каждый буржуа с вожделением ждет удобного момента, чтобы раздавить Советский Союз. Конечно, они не дождутся такого момента, но это значит, что Советский Союз только стальной стеной может быть защищен. СССР будет еще сильнее, если у советских людей товарищеская спайка с малолетства будет воспитываться, — действительная, крепкая товарищеская спайка со школьного возраста. Тогда, если придет человек в Красную Армию или попадет на фронт, ему легче будет включиться в боевую спайку. Он придет уже спаянный любовью к социалистической родине.

В-пятых, — это надо любить труд. Не только любить, но и честно относиться к труду, твердо при этом памятуя, что если человек живет, питается и не работает, то это значит, что он поедает чужой труд. Нет особой нужды это перед вами развивать. Это перед учениками следует развивать. О труде надо особо поднять вопрос. Мы часто говорим: «Труд есть дело чести». Вождь бросил лозунг «труд есть дело чести», и если вы будете только повторять, что «труд есть дело чести», то этого будет мало.

Не в этом выполнение воли вождя, воли партии и народа. Нужно, чтобы ребята видели конкретно, что действительно труд есть дело чести. Ребенка не обманешь. Если чуть-чуть фальшь, то он уже не будет верить.

Можно продолжить перечень качеств нового человека, но я ограничусь только этими. Это — качества марксиста-ленинца. Но таковы требования и к каждому честному здравомыслящему человеку. В том-то и ценность нашей теории, что она требует то, что требуется для честного, здравомыслящего человека.

Дисциплина это само собой — она вытекает из тех качеств, о которых я говорил выше. Ребята любят ломать, коверкать. Мы сами были такими. Слазить в чужой сад — это было удовольствием: ворованное яблоко казалось слаще, чем свое или куплен-

ное. Но вместе надо говорить, чтобы люди хранили ценности, берегли. Нужно не только ломать, но и созидать — в этом суть. Мы не только ломаем старое, мы являемся строителями нового.

Я думаю, что учителем надо родиться, а не только сделаться, чтобы быть действительно учителем. В работе учителя много трудностей и велика ответственность учителя. Конечно, преподавание соответствующей дисциплины — это основная работа, но помимо всего, учителя копируют ученики. Вот почему мировоззрение учителя, его поведение, его жизнь, его подход к каждому явлению, — так или иначе влияют на всех учеников. Это часто незаметно.

Но этого мало. Можно смело сказать, что если учитель очень авторитетен, то у некоторых людей на всю жизнь остаются следы влияния этого учителя. Вот почему и важно, чтобы учитель смотрел за собой, чтобы он чувствовал, что его поведение и его действия находятся под сильнейшим контролем, под каким не находится ни один человек в мире. Десятки детских глаз смотрят на него и нет ничего более внимательного, более зоркого, более восприимчивого в отношении разных нюансов психической жизни человека, никто так не уловит все тонкости, как детский глаз. Это нужно помнить.

Я боюсь только, что натолкну вас на мысль, что вы должны неестественно держаться. Это тоже нехорошо, это было бы совершенно неправильно. Учителю необходима естественность и честность в разрешении всех вопросов, в особенности в разрешении различных детских дел, в вопросах о наказаниях и т. д. Предположим, мальчик разбил стекло или обидел девочку, или девочка — мальчика. Тут нужно исходить не только из самого факта, как такового, но учитывать, как подействует на детскую психологию то или иное решение этого вопроса. Это нужно безусловно. Все-таки у ребят есть свой «юридический кодекс». Предположим, что ребята подрались, одному нос разбили, а потом этот пострадавший пошел и наябедничал. Даже нейтральный мальчик его за это осудит и скажет: «Ты фискал — драться хочешь, а потом жаловаться идешь!».

Главное — это быть честными с ребятами, следить за собой, воспитывать из наших ребят действительно хороших, действительно социалистических граждан — честных, храбрых, с развитым товарищеским чувством, дисципли-

нированных в пределах ребячьей психологии и ребячьих возможностей.

И. наконец, товарищи, надо, чтобы у детей на долгие годы остались яркие впечатления, самые лучшие впечатления и воспоминания о школе. Если вы добьетесь, что ваши ученики будут всю жизнь хранить воспоминания о годах учения, как о прекрасных годах,— это уже хороший признак.

Вот то главное, как мне кажется, что требуется от учителя.

III. НЕСТИ СВОИ ЗНАНИЯ В НАРОДНЫЕ МАССЫ, ПОВСЕДНЕВНО УЧАСТВОВАТЬ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ — ДОЛГ КАЖДОГО УЧИТЕЛЯ

Теперь остановлюсь на вопросах общественной жизни. Тут важно, чтобы учитель близко подходил к людям, к действительности, научился бы разбираться и в местной обстановке. Разумеется, было бы идеально, если бы все наши учителя и другие наши кадры интеллигенции полностью овладели марксизмом-ленинизмом. Но будет неплохо, если они будут знать даже хотя бы общие основы этой теории. Это уже неплохо — и для коммунистов и для беспартийных. Я ручаюсь, что некоторые беспартийные лучше знают марксизм-ленинизм, чем партийцы. Правда, их немного. Тут надо научиться по-марксистски подходить к явлениям местной жизни, правильно их анализировать. Между тем, в докладах, которые вы делаете перед населением и о которых вы тут рассказывали, совершенно отсутствует местная жизнь. Вот сколько человек тут ни выступало, ни один не сказал, что ему приходилось выступать с докладом о местном явлении. Ведь люди родятся, умирают, женятся, свадьбы играют. Масса общественных явлений... Разве нечего сказать или нельзя говорить об этом? Разве поводов мало?

Колхозное строительство, развитие хозяйства,— все это будит мысль колхозника, связывает ее с широкими общественными задачами. Материала для докладов, полных интереса, более чем достаточно.

Колхозы выделяют незаурядных деятелей, и доклады о таких людях, да еще с выводами, с показом их положительных и отрицательных сторон, несомненно, вызовут горячие прения. При здоровом обсуждении таких докладов растет общественное лицо колхозника, подымается уважение к колхозному труду.

Рядом в колхозе урожай 10—12—15 центнеров с гектара, а у вас в колхозе 5—6. Почему у вас был слабый урожай? Вот вам и тема доклада.

Одним словом, когда вы входите в крестьянскую жизнь, когда хотите работать с населением, то все-таки делайте так, чтобы это имело непосредственное, тесное соприкосновение с жизнью, чтобы задевало, чтобы доклад задевал людей. Тогда, безусловно, народ пойдет на ваши доклады. Само собою понятно, что общественные и политические события в жизни нашей страны и всего мира всегда дают материала более чем достаточно.

Наконец, надо, чтобы доклады свободно обсуждались и чтобы люди терпимее относились к форме выступлений. Главное в том, чтобы была понята основная мысль доклада и чтобы о ней участники прений высказывали свое мнение, не стесняясь формой изложения, твердо памятуя, что форма речи дело наживное. Важно, чтобы была своя мысль.

Необходимо в общественной жизни учителя, чтобы всюду, где он может, где спрашивают его мнение, чтобы голос свой он подавал честно. Надо, чтобы у крестьян было уважение к учителю не только как к учителю, но и как к человеку. Имейте в виду, что это — политический вопрос. Это — глубоко политический вопрос. Если хотите, чтобы учительство заняло соответствующее ему положение, то проводите такую линию, чтобы учитель был беспристрастным, не боялся высказать свою точку зрения по тому или иному вопросу. При решении крестьянских вопросов, разумеется, учитель может помочь, поскольку он гражданин данной местности, поскольку он участвует во всей ее экономической и политической жизни.

Главным же образом учитель может помочь крестьянину в культурной области.

Понятие о культуре очень широко — от умывания лица до последних высот человеческой мысли. И, представьте, здесь более, чем где-либо, легко соскользнуть на обывательщину. Чистота рук, опрятность в одежде, необходимый комфорт в квартире и т. п. — все это признаки культурности населения. Общественные собрания, драмкружки, вечера с танцами и т. д. — признаки общественной культуры. Коммунисты в них участвуют, справедливо рассматривая их как факторы культурного развития. Но все это может превратиться и в обывательское времяпрепровождение.

И вот, чтобы видеть водораздел между обывательщиной и действительно культурным развитием, требуется значительная культурность и политическое чутье. Марксист на эти достижения смотрит, как на средство, на новую ступеньку для продвижения вперед. А для обывателя — это самоцель, он стремится свое достижение стабилизировать, он становится рабом данной обста-

новки, укрепляя и соответствующую мораль, усыпляя мысль. С этим надо бороться.

Поэтому желательно, чтобы вы при проведении культурной работы вносили в нее общественно-государственные элементы, политику вносили, а то ваша культура потеряет ориентацию и приобретет характер так называемой «уездной культуры», потеряет связь с общегосударственной культурой, с общегосударственными культурными запросами.

Культурное дело, которое вы ведете, надо связывать с общесоциалистическим строительством, чтобы человек не изолированно думал. Обыватель — это человек, отрывчато, изолированно думающий, не связывающий себя ни с чем и ни с кем.

Эта работа очень трудная. Это очень трудная и тонкая работа в том отношении, что самому нужно быть культурным. Тут все равно как в музыке. Музыкант фальшивую ноту уловит в оркестре, а для меня целая фальшивая гамма будет незаметна, так как я в музыке не понимаю. Когда чувствуешь фальшивую ноту, нужно ее исправлять.

IV. УЧИТЕЛЬ ДОЛЖЕН ВКЛАДЫВАТЬ В СВОЮ РЕЧЬ ЖИВУЮ ДУШУ И МЫСЛЬ

Товарищи, я не знаю, как у вас вчера шло заседание. Но вот сегодня незаметно у вас обмена мнениями — все лишь отдают отчет о своей работе, некоторые приукрашивают ее. Разве для того вы здесь собрались, чтобы каждый сделал более или менее обыкновенный отчет? А получается именно так, что одна школа похожа на другую и люди тоже похожи один на другого. А я думал, что вы собрались здесь, чтобы «подраться».

Почему вы, когда рассказываете, то стремитесь говорить готовыми формулами? Вы же учителя, вы русский язык знаете. А знаете, что значит говорить готовой фразой? Это значит, что ваша мысль не работает, а работает лишь язык. Готовой фразой вы впечатления на людей не произведете. Не произведете потому, что ее и без вас знают. Вы опасаетесь, что если по-своему скажете, это будет не столь красиво. Ошибаетесь. Она лучше будет слушаться, ее доходчивость больше.

У вас в действительной жизни — большая связь с крестьянством, с населением. Но когда вы рассказываете о ней, то эта связь выглядит, как какая-то «техническая» связь: столько-то собраний устроили, столько-то бесед провели. Как-будто вы не о жизни говорите, а о «технике» сношений между крестьянством и учительством. А ведь вы не только на собраниях и во время

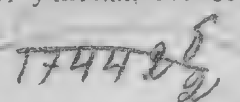
бесед встречаетесь с людьми. Надо говорить о **содержании** ваших сношений с населением.

Эти сношения имеют и политическую и психологическую и др. стороны, которые проявляются в нормальной человеческой жизни. Но в вашем изложении нет этой тесной, органической связи. Может быть я стал слишком стар и потому не могу ее уловить? Но ни одного звука я не слышал, в чем у вас трудности, что и где вас жмет. Вы только повторяете готовые фразы. Это формализирует речь. Каждый должен стремиться говорить своим языком, языком, какой ему мать дала. Самый лучший язык — материнский язык, поверьте моей совести. Мы говорим: учитель, учитель, великое дело быть учителем. И это правильно. Но что же будет, если учитель станет преподносить людям только готовые формулы?

Вы вот, последний из говоривших товарищей, работаете в деревне, как-будто довольны своим положением, вы рисовали дело так, что очень хорошо теперь живете. Но вот, мне кажется, если прочесть стенограмму вашей речи, то люди будут мало верить тому, что вы говорили. И не потому, что это неправильно, не потому. Во-первых, скажут, что товарищ немного себя хвалит. Проскальзывает: я то-то и то-то сделала. Как только почувствуют люди, что кто-нибудь себя немного хвалит и выдвигает, так настораживаются. Я вам скажу прямо: у вас было много красивых слов, а души не чувствовалось. В ваших словах не чувствовалось души. Этим я вовсе не хочу сказать, что у вас души нет. Ничего подобного. Я хочу сказать только вот что: то внутреннее состояние, которое у вас действительно есть, вы стремитесь выразить ходячими формулами. Внутренние же чувства живой человек изливает обыкновенно своим, простым словом, не прибегая к готовым формулировкам. Поэтому когда грамотный человек прочтет вашу стенограмму, то он подумает — искусственность. Искусственность. Нет естественного внутреннего состояния. Много слов, горячих слов, слов, говорящих о том, что удовлетворены работой, увлекаетесь этой работой, а слова неубедительны, потому что они не собственной обработки, а готовые. Поняли? Скажите, вру я или нет? Искусственно ведь у вас получается? (С места: Правильно).

Вот представьте себе, что с таким изложением, с таким докладом перед народом выйдут и будут говорить. Как вы думаете, что получится? Вас послушают и уйдут, даже вопросов не задавши, а если и зададут, то мало.

Поэтому первое, что требуется от учителя, это собственный,

матерью данный стиль речи. Изучай грамматику, чтобы речь была правильна, но говори естественным, обыкновенным языком.

Я должен сказать, что учительская работа — одна из самых трудных работ. Мне даже кажется, что учителем надо родиться. Я говорю об учителе в подлинном смысле этого слова. Иные люди много знают. Я знаю много людей, которые великолепно владеют предметом, а если назначить такого человека учителем, он не сумеет хорошо свой предмет изложить. Надо не только знать предмет, но и уметь изложить его так, чтобы он хорошо воспринимался слушателями.

Так вот, я и думаю, что перво-наперво надо, чтобы язык был нормальным. Ребят не приучайте к трафарету, к готовым формулам,— это у них «проскакивает» мимо ушей.

Если ты говоришь, то говори свое. Слова будут другие, а суть одна и та же. Смотришь, и люди будут прислушиваться немного внимательнее. Надо, чтобы слово было уместно и своевременно сказано, чтобы оно само выходило. А тут получается, что человек механически говорит. Надо, чтобы не механически, а органически лились слова, чтобы они выражали твою мысль.

Нужно избегать говорить готовыми формулировками, когда человек берет памятью, а не прорабатывает мозгами. Язык, на котором вы общаетесь с населением, делайте простым, своим, применяя естественный стиль. Если стиль неестественный, то получается отталкивающий привкус. Многие из вас наверно помнят (а, пожалуй, и нет) старых женщин-начетчиц, которые по монастырям ходили. Их много было в нашей стране до революции. Если одну из них послушаешь, то вторая точно так же бубнит: «Господь, матерь божия сподобила видеть святой лик». Нельзя на них походить. Язык наш богат, и вы его не коверкайте, не портите, и ребят приучайте к этому. Как ребят приучить к этому? Требуйте, чтобы они сначала думали, а потом говорили, но не говорили, а потом думали. В этом основа.

Вот те задачи, которые стоят перед нашим учительством. А в целом наше учительство должно быть еще более культурным. Культурным не только в том отношении, чтобы учителя знали свой предмет, а культурным в общем смысле слова, чтобы сами запросы у него были широкими. Вы сами видите, что и городское и сельское население, культурный рост которого идет гигантскими шагами, предъявляет большие культурные запросы.

Жизнь наша все усложняется, она требует все более высокого «потолка» от всех наших работников на всех поприщах. Если сейчас «потолок» учителя, например, два метра, то надо, чтобы он был бы хотя бы два с половиной метра.

Товарищи говорили здесь о нехватке газет. Конечно, нужда в газетах есть. Но все-таки, если хотите, то для роста вашей культуры газеты мало. Газета нужна для политической ориентировки в данный момент, для текущих нужд. А для того чтобы повышать культуру, надо обратиться к истории культуры, ко всему культурному наследию человечества. Нужно знать русскую литературу и в особенности художественную. Без этого не обойтись. Учитель имеет дело с человеческим материалом, с самым молодым и восприимчивым. Художественная литература — это богатейшая панорама типов людей, так по крайней мере я думаю. В художественной литературе вы видите людские типы в бесконечно разнообразных положениях. Поэтому знание художественной литературы — это почти ваша профессиональная обязанность. Поэтому повышение культуры — это в первую очередь знание художественной литературы. Она больше всего обогащает человека, дает возможность (я сужу по своему опыту) расти человеку, больше понимать людей.

Вот все, что я хотел вам сказать. Говорить можно бесконечно, вопросов больных у вас много. Самое главное, самое основное, что я хотел сказать, вы слышали. Я бы хотел, чтобы по возвращении домой вы не забыли моих пожеланий. (Бурные аплодисменты).

СОДЕРЖАНИЕ

Наблюдал за изданием В. М. Докукин
Техредактор В. Н. Пергаменщик
Корректор М. В. Соловьева

Сдано в набор 7/V 1939 г. Подписано к печати 10 VI 1939 г. Объем $1^{1}/_{4}$ п. л.
Тир. 200.000 экз.
Уполномоченный Главлита РСФСР № А—12104 Учгиз 12140 *Цена 15 коп.*

Набрано и сматрицировано в 15-й типогр. Отпечатано с матриц в 18-й тип.
треста «Полиграфкнига», Москва, Шубинский, 10. Зак. 788.

Цена 15 коп.